

Автор проявляет превосходное знание источников и, критически оценивая научный уровень того или иного исследования, максимально использует даже старые, очень скудные публикации по различным молуккским языкам. Он разработал тонкий метод коррекции малодостоверных источников через анализ ошибок, сравнение с другими источниками, реконструкцию исследовательского пути. Кроме того, М. А. Членов вводит в науку собранный им (совместно с С. Ф. Членовой) и обработанный им же лингвистический материал по почти неизвестным ранее 35 языкам и использует опубликованные другими авторами данные по более чем 100 молуккским языкам. Результатом этого анализа и является упомянутая выше классификация, базирующаяся преимущественно на лексико-статистическом методе, модифицированном автором применительно к настоящей задаче.

Можно было бы упрекнуть М. А. Членова в излишнем доверии к методу лексико-статистики, хотя он и принимает его со значительными поправками. Лингвистическая классификация вряд ли может основываться только на одном критерии. Не вполне согласуется стремление к точности изложения с таким произвольным понятием, как «достаточная степень надежности» (стр. 198). Возможно, было бы интереснее привести собственный материал в не столь сжатой форме и, наоборот, сократить малодоступные для этнографа лексико-статистические вычисления. Однако, каковы бы ни были замечания к лингвистической работе автора, ясно, что его классификация молуккских языков является в настоящее время наиболее серьезным опытом исследования в этой области и, очевидно, сохранит свое значение на долгие годы.

Подробно проанализировав основные этнообразующие факторы, М. А. Членов завершает свою работу классификацией народов Молуккских островов, в которой каждый этнос представлен набором основных и дополнительных значений ряда признаков соответственно месту, занимаемому им в хозяйственно-культурной и этнической типологии, его численности, району обитания, конфессиональной и лингвистической характеристикам. Соотношение между основными значениями для разных народов и между основными и дополнительными значениями для этнографических групп внутри одного народа дает возможность представить каждый этнос не как некую неизменную величину, а в его движении, развитии, связи с другими этносами, чему немало внимания уделялось в книге и что в заключении отражено в таблице.

Книга М. А. Членова полна открытий: в ней много новых фактов, которые теперь введены в науку, и много новых идей. Как и всякие открытия, они могут быть со временем дополнены, пересмотрены и даже оспорены, но к ним теперь постоянно будут обращаться специалисты. Однако не нужно думать, что эта работа важна и интересна только для индонезистов или для тех, кто изучает Юго-Восточную Азию. Будет очень жаль, если читатель, думая, что книга «Население Молуккских островов» посвящена узкой специальной теме, пройдет мимо нее. В этой книге он найдет много проблем, с которыми сталкивается всякий, кто занимается историческими судьбами народов. Но эти проблемы раскрыты на конкретном материале, который автор не просто изучил и знает, но и чувствует, а поэтому и смог изложить его взволнованно, оригинально и с несомненным литературным мастерством.

Е. В. Ревуненкова

НАРОДЫ АФРИКИ

J. Lamphar. The traditional history of the Jie of Uganda. Oxford, 1976, X+281 p.

Книга английского этнографа Джона Лампье представляет собой первую попытку реконструировать доколониальную историю восточноафриканского народа джиэ. Это исследование проведено на широком сравнительном фоне группы народов, населяющих дистрикт Карамоджа в Уганде и соседние зоны Северо-Западной Кении и Южного Судана. По языковой классификации А. Н. Такера эти народы относятся к центральным паранилотам.

Основу материалов исследования составили устные традиции, собранные автором книги путем опроса примерно двухсот информантов, и личные наблюдения за полтора года полевой работы.

Центральными проблемами книги явились институт традиционной власти, социальная роль наследуемых высших должностей в структуре общества и система поколенных группирований (generation-set system), реконструкция исторической хронологии поколений, развитие военной системы джиэ в конце XIX — начале XX в.

В настоящее время джиэ (около 33 тыс. чел.) занимают территорию на северо-востоке плато Уганды. Хозяйство смешанного типа. Хотя основное место в их экономике

занимает зерновое земледелие, скотоводство тоже составляет ее существенную часть. Дихотомии в характере хозяйства соответствует традиционное разделение труда по полу. Земледелие—почти полностью занятие женщин, в то время как скотоводство—целиком дело мужчин. Дополнением к этим видам занятий являются охота и собирательство. Женщины, дети и старики весь год остаются в поселениях, в то время как мужчины и подростки большую часть года проводят в лагерях для скота, передвигающихся через всю страну Наджиз с запада на восток и обратно один раз в год. Типичное домохозяйство насчитывает сто и более человек. Несколько домохозяйств образуют клан.

На всех уровнях социальной структуры джиэ имеются корпоративные группы, связывающие индивидов реальными узами определенной принадлежности к ним. Эти группы включают родственные, возрастные, поколенные и территориальные подразделения. Все это отражено в устной истории народа, ибо каждая из групп хранит свои собственные устные традиции.

Автор книги «Традиционная история джиэ Уганды» делает особый акцент на оценке устных традиций бесписьменного народа как исторического источника. Можно было бы обвинить автора в одностороннем подходе к историческому материалу, если бы его данные относились только к одним джиэ. Однако следует учитывать, что Дж. Лампье провел тщательный анализ устной традиции путем широкого сопоставления, сравнения и контрольного проверки на фоне устных традиций широкой зоны других паранилотов—карамоджонг, додос, итесо, поэт, туркана и др. Кроме того, большое значение для исследования имело то обстоятельство, что через десять месяцев пребывания среди джиэ Дж. Лампье стал для них близким человеком, добился такого к себе расположения, что был принят и инициирован в систему поколенных группирований «асапану» в группу-поколение Нгитоме. За 16 месяцев постоянного наблюдения жизни местных жителей, близкого и доверительного общения с ними он взял 132 интервью у старейшин джиэ и 63 интервью у соседних народов. Благодаря такой фундаментальной базе автору книги удалось не только реконструировать историю джиэ, но и аргументированно полемизировать с другими исследователями, в частности, с известным знатоком этого региона Восточной Африки П. Галливером, предложить новые обоснованные решения некоторых вопросов истории и социальной организации джиэ.

Три главы книги автор посвятил проблеме генезиса джиэ. Дж. Лампье считает, что как П. Галливер, утверждавший, что джиэ пришли в Наджиз с юго-востока, так и Краоцлара, считавший, что они двинулись с запада, не только упрощают эту проблему, но и дезориентируют читателя, несмотря на то, что их толкование обосновано историческими фактами (стр. 61). Опираясь на анализ устной традиции, он утверждает, что джиэ, как и многочисленные другие народы Африки, а также и неафриканские народы, не имели единого «происхождения», что генезис джиэ на деле—история смешения и тесных контактов между огромным количеством различных этносов (там же).

Устные традиции позволили автору установить довольно определенную последовательность заселения страны Наджиз. Члены одного из современных кланов джиэ (нгику-лиак) были первопоселенцами в этих местах и занимались собирательством и охотой, сбор меда также был важной частью их хозяйства. Немногочисленные в наши дни семьи нгику-лиак до сих пор знают о типах пчел больше, чем остальные джиэ. Опираясь на устную традицию, Дж. Лампье восстанавливает четкую картину порядка заселения Наджиз разными этническими группами, описывает их хозяйство, общественную организацию и ее изменения в ходе исторического развития общности. Реконструкция генезиса джиэ убедительна, логически обоснованна, достоверность ее подтверждается тем, что устные традиции джиэ многократно выверены в разных зонах страны и у их соседей.

Дж. Лампье справедливо связывает проблему генезиса джиэ (период, отстоящий от нас на 250 лет) с изучением, как он говорит, «...социо-политической структуры, которую устная традиция джиэ передает от поколения к поколению» (стр. 14). Эту связь между традицией и социальной структурой он объясняет следующим образом.

Как уже говорилось, все корпоративные подразделения социальной структуры джиэ—родственные, возрастные, поколенные—отражены каждое в собственной устной традиции, передающей историю данного подразделения. Этот тезис служит исходной позицией в исследовании Дж. Лампье. Эта позиция с точки зрения «классического» историка может быть воспринята как несколько ограниченная, и вполне справедливо. Однако для африканиста такой подход в известной мере должен быть оправдан. Для многих бесписьменных народов Африки, донесших до нашего времени хотя бы некоторые социальные институты первичной формации, устная традиция и пережитки прежних социальных форм, наблюдаемые исследователем в жизни,—основной источник информации. Пожалуй, единственный путь воссоздания истории таких народов—метод исторической реконструкции. Автор не претендует на то, что в его реконструкции все абсолютно верно. Он предлагает заинтересованному читателю свою реконструкцию генезиса джиэ, и каждый вправе воспринимать его опыт как теоретический вариант, как гипотезу.

Детальное описание и анализ Дж. Лампье системы поколенных группирований «асапану» у джиэ представляет для этнографии особый интерес.

Дж. Лампье указывает, что в отличие от возрастных систем других народов Восточной Африки структурообразующий принцип у систем джиэ основан не на возрасте, а на иерархии генеалогических поколений (стр. 35). Этот принцип означает, что все сыновья одного отца должны быть инициированы в группу-поколение, следующее непосредственно за группой-поколением этого отца. Таким образом, все мужчины джиэ принадлежат с момента рождения к «асапану» своего отца, т. е. место в общей структуре системы определено для человека еще до его появления на свет. В результате внутри каждого поколения оформляется группа сверстников.

П. Галливер утверждал, что в основе системы возрастных групп джиэ лежал кровнородственный принцип. Это, безусловно, действительный факт, однако П. Галливер не столь четко представил в своих работах, что у джиэ наравне с общим структурным принципом генеалогических поколений действовал и принцип объединения сверстников внутри поколения с учетом биологического возраста. Это последнее не укрылось от внимания Дж. Лампье, внесшего ясность в устройство социальной организации системы «асапану».

Следует с удовлетворением отметить, что автор, оперируя такими понятиями, как «биологический возраст» и «социальная зрелость», вполне ясно дает читателю понять ту большую разницу, которую он видит между этими явлениями, и их роль в организации социальной жизни джиэ. Подобное внимание к дихотомии понятий «биологический — социальный» в зарубежной этнографической литературе встречается не часто.

Однако именно в связи с этим хотелось бы высказать некоторые возражения в адрес автора книги. Так, он пишет, что «...инициация джиэ предполагает скорее ритуальную, чем биологическую или социальную зрелость» (стр. 36). С таким утверждением целиком согласиться нельзя. Если инициация у джиэ не связана с биологическим возрастом в качестве критерия, определяющего социальную зрелость индивида (а мы знаем, что это именно так), то относительно инициации как момента социализации новых членов общества сомневаться не приходится. Автор исследования отмечает, что неиницированный джиэ не может жениться, не участвует в войне и в общественных ритуалах, не имеет права владеть скотом (стр. 36). Все это и означает в соответствии с нормами жизни данного общества социальную зрелость. Поэтому формальный момент инициации чрезвычайно важен и социально значим в этом обществе. Другое дело, что социальная зрелость наступает у джиэ для разных индивидов в различном их биологическом возрасте, для одних раньше, для других позже. Но именно это несоответствие в какой-то мере компенсируется действием принципа учета биологического возраста и в пределах одной семьи (сначала иницируются старшие сыновья, затем младшие), и в организации возрастных групп внутри поколения «асапану», что регулирует социальную очередность групп сверстников. Таким образом достигается относительное равновесие социальных групп. Конечно, идеальной реализации действия такой системы в современном обществе мы не найдем, будет много отклонений от нормы и ее нарушений. Однако следует различать нормативную сторону жизни общества, которая, как известно, весьма консервативна на уровне обществ первичной формации, от ее реального воплощения, тем более в период интенсивного разрушения социальных институтов первичной формации, чему примером служит и общество джиэ.

Дж. Лампье удалось внести ясность в вопрос о передаче имен от одного поколения к другому в системе «асапану». Благодаря детальному опросу примерно двухсот стариков он выяснил, что с давних пор у джиэ были две системы имен. Первая — группа настоящих регулярно повторяющихся имен, даваемых новым поколениям; вторая — имена-прозвища, даваемые некоторым поколениям, помимо настоящего имени, чтобы отличать их от поколений, уже ушедших из жизни и сохраняющихся в передаче устной традиции и носивших то же имя, что и новое поколение. Эти две группы имен долгое время создавали путаницу в исследованиях европейских авторов, в том числе и П. Галливера. Дж. Лампье выявил обе эти системы, после чего он смог составить не совсем полную, но весьма достоверную хронологию системы поколенных группирований джиэ (стр. 36—38).

Восстановление хронологии поколений дало реальную возможность провести сравнительное исследование системы передачи имен в «асапану» и сделать заключение о том, что социальная система джиэ «может быть скрытой системой половин» (стр. 43), т. е. не четырехгрупповой, как считали некоторые (например, Дизион-Хадсон), а двухгрупповой циклической системой поколенных группирований.

Дж. Лампье уделяет много внимания рассмотрению группы старейших в старшем поколении системы «асапану». Он приводит богатый материал, хорошо подтверждающий его теоретические положения. В частности, Дж. Лампье, как мне представляется, вполне доказал свое положение о сферах функционирования группы старейших, расходящееся с мнением П. Галливера. В то время как последний ограничивает роль старейших только сферой ритуала, Дж. Лампье убедительно показал неограниченную власть этой социальной группы практически во всех сферах жизни джиэ. По его материалам, старейшие не только руководили обрядами, но и решали вопросы войны и мира, устанавливали сроки земледельческих работ, маршруты и сроки перекочевки стад (стр. 157, 158).

Чрезвычайно интересны страницы книги, посвященные военной организации джиэ, структуре подразделений, боевому порядку, тем изменениям, которые претерпела эта организация в период столкновения с европейцами. Автор рассказывает и о последнем

периоде независимости джиз, окончившемся со смертью их знаменитого полководца Лорианга, который в течение многих лет отстаивал свободу своего народа в борьбе с английскими властями Уганды. Недаром за воинственность, смелость и независимость этот народ еще в давние времена получил от своих соседей имя «нгиджиз» — сражающийся народ.

Книга Джона Лампье «Традиционная история джиз Уганды» — большой научный вклад в этнографию народов Восточной Африки. Это исследование не только вносит много нового, разъясняя ряд сложных, прежде представлявшихся совсем иначе, вопросов, но и содержит богатый материал для дальнейшей работы над историей центральных паранилотов, а также для изучения этносоциальных проблем народов Африки.

К. П. Калиновская

Ю. К. Поплинский. Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. Гарамантская проблема. М., 1978, 203 с.

Вопросы о роли и месте древней Африки в истории человечества, о взаимоотношениях древних африканцев с соседями (не только на суше, но и с моря), об этнокультурных контактах в Средиземноморье и о влиянии, которые эти контакты оказывали на Африку, очень важны; значение этих моментов в истории трудно переоценить.

На эту тему написано довольно много работ, но лишь после археологических находок последнего времени, существенно расширивших наши представления о древней Африке, стало возможным перейти к теоретическим обобщениям широкого плана, сопоставляющим обширный материал о древних цивилизациях по обе стороны Средиземного моря. Однако сопоставление это было бы невозможно без тщательнейшего, детального анализа тех данных, которые содержат сообщения античных, прежде всего греческих, авторов, особенно Геродота. С другой стороны, взглянуть на многократно комментировавшиеся данные древних по-новому, оригинально истолковать их можно лишь на основе того, что дала за последнее время археология. А достижения археологии нельзя представить себе в полной мере, не проверив их в свою очередь данными историков античного зрелища.

Иначе говоря, исследователь, обратившийся к такой теме, должен иметь в своем активе не только обширные историко-этнографические познания в африканистике и смежных науках, но и основательную подготовку по филологии, истории и культуре древней Греции и Рима. Обладая именно таким комплексом знаний, Ю. К. Поплинский смог избежать опасной односторонности в своих сопоставлениях и показать обоих партнеров в этнокультурном взаимодействии достаточно полно и объективно.

Прежде всего, достоинством работы мне представляется стремление Ю. К. Поплинского рассмотреть проблему этнокультурных контактов Африки на основе марксистско-ленинской теории исторического единства человечества и взаимного влияния культур.

Во-вторых, на обширном конкретно-историческом и этнографическом материале в работе показаны реальные возможности и пределы контактов Африки и Эгеиды в избранный для исследования период (II тысячелетие до н. э.).

В-третьих, на основе методики, выработанной самим Ю. К. Поплинским, изучаются важнейшие проблемы этнической истории Африки II — начала I тысячелетия до н. э. Привлекая материалы этнографии, антропологии, археологии (в том числе и анализ многочисленных наскальных росписей), лингвистики, истории, фольклора и ономастики, автор смог добиться значительно больших успехов, чем его многочисленные предшественники. Комплексный подход, представляющий одно из несомненных достоинств исследования, позволил Ю. К. Поплинскому добиться успеха и в теоретическом плане. Результаты говорят сами за себя.

Первая глава книги посвящена Эгеиде. Для рецензента особенно важными представляются те ее разделы, где речь идет о внешних связях Эгеиды и о маршрутах плаваний эгейцев к африканскому побережью. Тезис Ю. К. Поплинского о том, что на более раннем этапе афро-эгейских контактов осваивалась преимущественно восточная зона побережья Северной Африки, западная же часть этого побережья включилась в контакты позднее (стр. 81—86) — вполне убедительно аргументирован автором.

Подробнее хотелось бы остановиться на второй главе, содержащей этническую и хозяйственно-культурную характеристики Северной Африки II — начала I тысячелетия до н. э.

Прежде всего Ю. К. Поплинский ставит перед собой задачу восстановить в той мере, в какой это возможно, этническую карту Африки изучаемого им времени, привлекая для этой цели античные источники, данные археологии, этнографические материалы. Весьма перспективным в его исследовании оказался путь реконструкции транс-сахарских маршрутов. Густая их сеть, как справедливо утверждает Ю. К. Поплинский, служит убедительным доказательством существования тесных контактов европеоидных автохтонов Северной Африки с негроидными обитателями Судана, а затем и с еще